

Может быть, впервые в жизни маленького человека охватил азарт. Древний азарт охоты, погони, удачного завершения.

— Бей еще, дяденька Степан! Бей! Никто никогда не учил его этому, но все чувства его были обострены, все его тело

трепетало от мальчишеского восторга, и он, то хватаясь руками за изгородь, то теребя штаны Степана, весь захлебывался:

— Ну, скорее! Скорее! Дяденька Степан!

Степан не торопясь устроил малокалиберку на изгороди и спокойно выстрелил. Собака на половине крутой конвульсивной дуги разом опала и замерла.

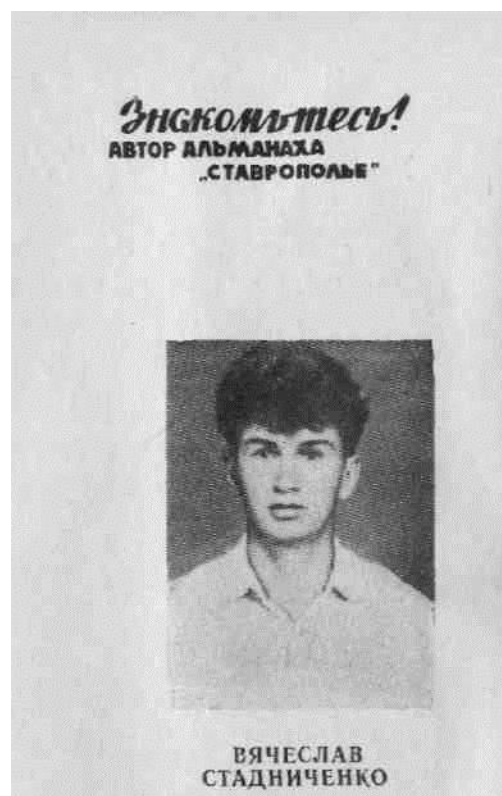
— Готов!

— И-и-э-э-э!!

Сегодня он увязался за соседом в сладкой уверенности, что все маленькие чудно пахнущие гильзочки с латунным отливом будут его. Их можно пересыпать с ладошки на ладошку, можно выдувать свист, разом тонкий и басистый, а можно, присосав к языку, скосить глаза и увидеть, как телепаются они на самом кончике языка; да мало ли куда их можно приспособить, если, конечно, с толком.

То, что дядя Степан собрался пострелять на свалке собак, и не по обязанности, а просто из баловства, им никак не оценилось, потому что поступки взрослых принимались им как должное, на веру.

А то, как первый же удачный выстрел заставил кувыркнуться через голову длинного вислоухого пса, ему понравилось. Азарт настиг его после второго выстрела, когда обшарпанная

собачонка, волоча перебитый зад, едва не ушла в кусты. Он побежал посмотреть и долго стоял, несколько смущенный видом поверженного зверя. Потом вдруг закричал:

— Дышит! Дышит!

Подошел Степан, глянул и крикнул досадливо.

— Сучка! Черт поберит! Дали мы с тобой маху.

— Живот дышит. Живая?

— Дохлая.

— А живот?

— Живот, живот. Щенливая, дурак!

Дядя Степан почему-то рассердился, и теперь явно приходилось откладывать на будущее с десяток мучительнейших вопросов.

Помолчали. В голове пятилетнего мальчика шла титаническая работа. Весь опыт, память, аналогии, обобщения — все, чем он обладал и о чем пока не догадывался, — все было привлечено. Наконец, дядя Степан щелкнул затвором, загнал новый патрон, и они поднялись.

Возвращались почти в сумерки. Пресыщенные убийствами, молча шагали грузноватый щетинистый человек и рядом с ним — тоненький светлицый.

А ночью пятилетнему приснилась

охота и еще Лайка и щенки, которые были у нее весной, слепые, голые и все время ползали. Он проснулся. Все было очень похоже.

Маленький человек поерзал, повернулся на спину, сел на подушку. Посидел немного и заплакал.